

ОТОБРАЖЕНИЕ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ В АТТИКЕ И ИОНИИ В 415-407 ГГ. ДО Н.Э. В ТРАГЕДИИ ЕВРИПИДА «ИОН»

Каверина Наталия Андреевна

студент, Саратовский государственный университет, РФ, г. Саратов

Пелопоннесская война, сопровождавшаяся ломкой старых общественных отношений, появлением новых радикальных течений в общественной мысли, и военные неудачи, стали катализатором разобщенности внутри афинского общества. Демократические принципы находились на пути радикальных изменений, назревал острый внутривластный кризис, вызванный выступлениями тайных обществ – гетериев [1, с. 203].

К 412 году до н. э. Афины заметно теряли свои позиции, так как сицилийская катастрофа отразилась и на положении афинян в Малой Азии, а Спарта с помощью Персии улучшала собственное военно-политическое положение. Для Персии же основными интересами во вмешательстве в греческие дела было господство над малоазийскими эллинскими городами, на которые она претендовала еще со времен Греко-Персидских войн, и уничтожение Афинской державы как сильного противника. Все это она могла осуществить «руками» Спарты, а Афины могли быть полностью ослаблены в течение нескольких месяцев [1, с. 204]. Враждебные афинянам партии на Евбее, Лесбосе, Хиосе и в других городах Ионии отправили послов и в Декелею, и в Спарту к эфорам. Однако афинянам удалось предотвратить прибытие спартанской помощи к хиосцам: спартанская эскадра, идущая к Хиосу, была разбита афинским флотом. Тем не менее, прибывший спартанский флот под руководством Алкивиада все же смог произвести переворот на Хиосе, после чего Хиос, а затем и Милет, перешли на сторону Спарты [2, с. 447-448]. Таким образом, в 412 году до н. э. восстал самый крупный афинский союзник Хиос, его поддержали ионийские города Клазомены, Эритры, Теос, Милет. А в 411 году до н. э. вся Иония отпала от Афин [1, с. 204].

Сама суть политического кризиса в Афинах влекла за собой и кризис религиозный, духовный, когда традиция подвергалась жестоким потрясениям, а в менталитете, в системе ценностей происходили кардинальные преобразования. Идеологический кризис во время Пелопоннесской войны особенно выразился в радикальном изменении и разрушении устоявшихся норм и стереотипов, характерных для классического полисного мироощущения [3, с. 13].

Во времена политического и идеологического упадка, в том числе и в конце V века до н.э., возрастало значение религиозного фактора. Его роль заключалась, в первую очередь, в замене традиционных верований новыми, которые зачастую диктовались политической «верхушкой» [4, с. 23-28].

Поэтому не зря Еврипид так тщательно подчеркивает связь между Афинами и Ионией, а именно – покровительство Афин над Малой Азией. Это было политически важным решением. Еврипид старался отразить в своих трагедиях патриотические идеи. В условиях борьбы между демократами и олигархами в Афинах можно не заметить, как разваливается Афинский морской союз, а союзники объявляют независимость от Афинского полиса и переходят на сторону врага [1, с. 204]. Задачей трагика было донести эту идею до всего афинского общества. Как раз в этом случае можно заметить, что трагедия выполняла функции современных средств массовой информации, выражая волю политической власти.

Так как средства массовой информации – неотъемлемая часть общества и важнейшая составляющая политической системы в государстве, то их главной функцией является

распространение информации среди населения. Даже с течением времени функции СМИ мало чем отличаются от античных демократических стремлений, что говорит об их неизменной актуальности. Если рассмотреть эту тему подробнее, становится видно, что такие инструменты, как освещение различных точек зрения, формирование мировоззрения граждан, прививание политических взглядов и ценностей, а также создание образа конкретного политика или партии, должны разными способами приводить к реализации поставленных сверху задач [5]. В Древних Афинах эту функцию мог выполнять театр, благодаря его массовости и популярности среди разных слоев населения и доходчивой форме подачи самой информации [6, с. 64].

Поэтому Еврипид находит идеологический способ объединения Афин и Ионии путем привлечения общего божества – Аполлона, которого раньше нельзя было встретить в мифологической традиции, и Иона, выбор которого тоже был неслучайным. Согласно Паросской хронике, Эол и Ион относились ко второму поколению переселенцев в Ионии и были названы сыновьями Ксуфа. Трагик же, будучи верным афинянином, нарочно представил Иона как старшего брата Дора и Ахея и сына Аполлона [7, с. 218].

Ион же, в свою очередь, сыграл определенную роль в мифологических притязаниях между Афинами и ионийцами и между Афинами и Спартой. Постулирование генеалогического родства между ионийцами и афинянами, безусловно, является древним, поскольку в «Илиаде» Гомер уже отождествляет афинян с ионийцами. Очевидно, что связь между Афинами и Ионией была хорошо засвидетельствована около 600 года до н. э., и поэтому Солон может назвать Афины «самой древней землей Ионии». Правда, не совсем ясно, что он имел в виду: возможно, он полагал, что ионийцы сначала жили в Аттике и переселились на запад до Кикладских островов и Малой Азии. Если это так, то Солон принимает афинские предания о том, что ионийцы собрались в Аттике после того, как их изгнали из их собственной страны, а затем отплыли на запад в качестве афинских колонистов [8, с. 10].

Хотя современные историки предполагают, что прибытие греков на Киклады и на западное побережье Малой Азии сильно различалось, несколько факторов способствовали тому, что древние верили в Афины как в свой родной город. Например, и ионийцы, и афиняне были организованы в систему фратрий и четырех племен, названных в честь сына Иона. Они праздновали апатурию и имели общий календарь, так же южные ионийцы говорили на диалекте греческого языка, близкому к аттическому [9, с. 143].

Как и ионийцы, афиняне признавали свое происхождение от Иона, сына ахейского Ксуфа. Когда в 478 году до н. э. азиатские ионийцы обратились к афинянам за помощью в борьбе с персами, они ссылались на свои родственные связи. Последующий союз обеспечил основу для образования Афинской империи. Еще долго после того, как союзники превратились в подданных, платящих дань, афиняне продолжали эксплуатировать своих общих предков. Например, где-то между 453 и 447 годами до н. э. они наложили на города, колонизированные из Афин, обязательство и привилегию посылать корову и доспехи на празднование Великой Панафинеи. В 425 году до н. э. афиняне распространили это обязательство за пределы ионийских городов на каждого союзника [9, с. 143].

Несмотря на такую пропаганду, миф о происхождении от Иона столкнулся с мифом об афинской автохтонии. Ион относительно поздно пришел в аттическую мифологию и не занял места в ее списке царей. В «Ионе» Еврипид исследует трудности, присущие мифам и верованиям о происхождении его общины, и достигает посредничества. Его пьеса, конечно, не устраняет противоречий в определении афинского гражданства, но в театре сила слов, возможно, сделала их менее резкими и неприятными [9, с. 143].

Тем не менее, благодаря генеалогии, которую провозглашает Еврипид, Ион приписывает афинянам привилегированное место в семье греков. Во-первых, потомки Иона, как показывает трагик, колонизировали Ионию, и таким образом афиняне стали предками ионийцев. Это подразумевает обязательство лояльности и подчинения метрополии, тогда как в более старых версиях эти две группы были связаны таким образом, что они обе могли занимать равное положение. Таким образом, Ион предлагает способ примирить афинскую автохтонию со старым притязанием на родство с ионийцами [10, с. 10-11].

Во-вторых, афиняне становятся более благородными родственниками дорийцев и ахейцев (которые происходят от Креусы и Ксуфа, а не от Аполлона). Остальные греки, хотя и принадлежали к менее знатной ветви рода Креусы, в то же время были поставлены в более тесные отношения с афинянами и получили долю в автохтонии. Более того, генеалогия, столь удобная афинянам, представляет собой отход от общепринятых представлений и, по всей вероятности, является выдумкой самого Еврипида. Следовательно, его авторитет и ценность для Афинского самоутверждения и ее притязаний на верховенство сильно уменьшаются [10, с. 11].

Невозможно установить точную датировку «Иона», но наиболее вероятно, что трагедия была написана в период с 418 по 408 гг. до н. э. Так как в 413 году сиракузские разгромили афинский флот, посланный для покорения Сицилии, а вскоре после этого ионийские города Хиос, Эритра, Клазомены и Милет восстали против империи, Еврипид понимал, как сильно афиняне зависели от денег, взимаемых со своих ионийских подданных. Поэтому его Афина говорит о будущих колониях ионийцев как об усилении афинского владычества (Eur. Ion. 1581-1585). Те исследователи, которые считают, что пьеса апеллирует к чувству гордости ионийцев за империю, датируются задолго до 413 года до н. э, в то время как те, кто видит ностальгию автора по прошлому, помещают ее после 413 года [9, с. 145].

Таким образом, у Еврипида Ион должен был олицетворять, в первую очередь, зависимость ионийцев от их афинского предка, а не героя, напоминающего о единстве ионийцев.

Во-первых, изначально Ион и его предки были жителями Аттики, а уже потом Ион по тем или иным причинам попадал в Малую Азию и становился родоначальником ионийцев. Во-вторых, Ион всё ещё являлся сыном Креусы, дочери афинского царя, что тоже неразрывно связывает Афины и Ионию. Все это дает более или менее внятные объяснения в случившихся метаморфозах.

Интересен так же момент, связанный с этимологией ионийцев. Так Еврипид говорит нам о том, что от Иона произойдет племя, которое будет носить его имя. Однако Ян Бреммер, ссылаясь на линейное письмо В из Кносса, предполагает, что имя Ион происходит от ионийцев, а не наоборот, и самое интригующее, что имя *I-ja-wo-ne*, возможно, произошло в микенские времена [8, с. 10]. Но тогда ответ на этот вопрос получить практически невозможно, так как в данном случае под сомнение ставится и сама мифологическая традиция, приведенная другими авторами.

Подытожив все вышесказанное, становится понятно, что представленная зрителям около 412 года до н. э. трагедия меняет генеалогическое древо героев-эпонимов, делая Иона старшим над Дором и Эолом, более того, афинский трагик нарекает Иона сыном Аполлона, в свою очередь другие братья лишь дети смертного иноземца [8, с. 12]. Трагик специально меняет родословную Иона, чтобы подчеркнуть божественное покровительство Аполлона как над Афинами, так и над [будущей] Ионией, поскольку это было важным политическим инструментом в жизни слабеющего полиса афинян [1, с. 205].

Важной вехой «еврипидова» повествования является роль бога Аполлона. Ни разу не появившись в трагедии, а лишь управляя судьбами и действиями других героев, «светокудрый» бог чужими руками преподносит царский титул своему сыну и делает его легитимным правителем, не только Афин, но и всех ионийцев, даже тех, что будут жить за морем (Eur. Ion. 67-74).

Не мог Еврипид обойтись в своём повествовании без богини города. Ей была отведена роль вершительницы божественной воли. Именно ее устами было сделано самое важное пророчество Ксуфу о его потомках. И это несмотря на то, что ранее в трагедии несколько раз говорилось, что новых детей у Креусы никогда не будет; быть может, самое яркое из противоречий. Однако, богиня Афина говорит так, и слова ее ни у кого не вызывают и тени сомнения.

Таким образом, в своей трагедии Еврипид использует этот миф, чтобы провозгласить главенствующую роль Афин в отношении ионийцев. Это связано с тем, что ряд фундаментальных мифов, которые являлись основополагающими свидетельствами об

ионийской миграции, были изменены (или, возможно, изобретены) в соответствии с афинскими литературными жанрами V века до н. э. [11, с. 223]

Помимо того, что были переделаны структуры этих историй в форму V века до н. э., так же было разработано и общее повествование об этногенезе ионийских государств в соответствии с современной Афинской политической программой, которая находилась в процессе утверждения Ионии как части своей империи. В данном контексте переосмысленные мифы стали частью так называемого ораторского искусства, призванного возбуждать патриотические чувства. Эти истории многое говорят о том, кем афиняне в V века до н.э. считали ионийцев с Анатолийского побережья, что стало отражением в их изобретении традиций их основания. Однако эти истории ничего не говорят нам о том, что думали ионийцы о своей собственной идентичности или истории на самом деле [11, с. 223].

Список литературы:

1. Ю. В. Андреев, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин, Л. П. Маринович. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 2005.
2. Лурье С. Я. История Греции. Курс лекций. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993.
3. Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.
4. Зайцев А. И. Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983.
5. Роль СМИ в политической жизни общества - функции, способы и причины влияния. [Электронный ресурс] - [сайт]. - URL: <https://nauka.club/obshchestvoznanie/rol-smi-v-obshchestv%D0%B5.html>: <https://nauka.club/obshchestvoznanie/rol-smi-v-obshchestv%D0%B5.html> (дата обращения: 21.04.2021). Загл. с экрана.
6. Каллистов, Д. П. Античный театр. Л., 1970.
7. Грейвс, Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург, 2005.
8. Bremmer, Jan N. Myth as Propaganda: Athens and Sparta // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, 1997. Bd. 117. Pp. 9-17.
9. Tyrell, Wm. B., Brown, F. S. Athenian Myths and Institutions. New York, Oxford, University press, 1991.
10. Martin G. Euripides, Ion. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2018.
11. Greaves, Alan M. The land of Ionia: society and economy in the Archaic period. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.